

Владимир Викто
Послушайте-ка!

Владимир Викто

Послушайте-ка!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34331104

ISBN 9785449092748

Аннотация

В книге, которую вы держите в руках, собраны разные по жанру произведения. Рассказы о том о сём – адресуются взрослым, которые могут сравнить свой жизненный опыт с переживаниями реальных, а иногда и не очень, героев. Рассказы о детях будут интересны всем. А что ж говорить о сказках? Они такие свежеиспечённые! В них, как и положено, – свой намёк. Какой? Да вот послушайте-ка!

Содержание

Рассказы о том о сём	5
Я выжил. Другие – нет	5
1. Как трудно без отца	6
2. Александра, Александра...	9
3. Девочка Лида	12
4. Ах, зачем я на свет появился?	16
5. Вот такой сапожных дел мастер	21
6. Вот и я в Германии	25
Митрич другой	31
1	31
2	33
3	36
4	40
5	42
6	45
Кладезь несчастий	48
1. Толя	48
2. Москва-кормилица	49
3. Город-холодильник	50
4. Куда уходят деньги?	51
5. Спасти молодых	53
6. Месяц, другой...	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Послушайте-ка!

Владимир Викто

© Владимир Викто, 2018

ISBN 978-5-4490-9274-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы о том о сём

Я выжил. Другие – нет (Дети войны)

До этого летнего рассвета оставалось совсем ничего. Но когда черная машина, сливаясь с чернотой ночи, оттолкнула вбок легкую женскую фигурку и, продолжая неумолимо мчаться вперед, подкинула вверх грузное мужское тело, затем рванула и умчалась – оставшимся лежать у дороги было уже всё равно. Сколько до рассвета? Сколько до заката? Маму санитары прибывшей скорой доставили в больницу. Отца... Собрав остатки разбитой головы (чтобы не шокировать собравшихся к тому времени людей), отца, вернее, то, что осталось от отца увезли в морг. Вот и всё. А ведь как он обычно заканчивал воспоминания о своей жизни, о семье, о трудном военном детстве? «Я выжил. Другие – нет», так он говаривал.

Его поколение – это дети войны. Они хлебнули лиха наравне с солдатами войны. Неужто случившееся – закономерность прошлого? Неизбежность? Я до сих пор пытаюсь разобраться в этом, перелистывая в памяти всю его жизнь. Припоминая то, что он успел рассказать. Вот его воспоминания.

Привожу их от его лица.

1. Как трудно без отца

Отец мой, Иван Николаевич, воевал еще в империалистическую. Потом пришел с войны израненный, а осколок в груди так и остался. Жили они тогда в деревне под Кировом. Сколько смог – работал в поле с моей матерью, потом переехали в Киров. Устроился работать на железной дороге. Сначала сцепщиком, затем кондуктором. Когда началась война, он еще работал. Но вскорости осколок совсем его достал. Отец слег и умер. Остались мы без кормильца. Мать не работала. Всего в нашей семье родилось 11 детей, но я помню, что нас было четверо, остальные к моему появлению поуми-

рали, да и судьба тех, кто выжил, оказались незавидная.

Младше меня был брат Юра. Но похоронили его, когда было ему 2 года. Из-за самовара (про самовар этот я потом скажу). Дело вот как было.

Собрались мы за столом чай пить, а больше то ничего и не было. Мать (царство ей небесное) взялась тряпкой за ручки, принесла его, полный кипятка, поставила на стол. Повернулась, да пошла дальше. Только тряпка-то зацепилась за ручку, самовар и опрокинулся, да прямо на Юру кипятком. Отнесли брата в больницу, долго лежал, уже поправляться стал. Собирались домой забрать, да новая напасть – заразился в больнице дифтерией, здесь уж не усмотрели, умер он.

А самовар этот в тяжелое военное время мать потом продала. Но ничего хорошего он не принес и при продаже. Вот почему. Помню, понесла она его на базар, когда в доме совсем уже ничего не оставалось. Не то что из еды, но и из вещей. Голые лавки, кровать с тюфяком, да печка. Ни простыней, ни подушек не знали. Ну, от того, что вещей нет – не страдали, а вот есть постоянно хотелось. Поэтому ждали мы ее с нетерпением. Продать – продала. Чтобы порадовать детей, купила бидон молока, хлеба. Да, видно, хотели есть не только мы. Выследили ее двое пацанов еще на базаре. Подкараулили возле безлюдного пустыря. Один подбежал – толкнул. Упала, молоко разлилось. Стала возиться с бидоном, хоть каплю молока сохранить, подбежал второй, выхватил узелок с деньгами, да и хлеб заодно. Вот таким дорогим

оказалось то молоко, что осталось нам на донышке бидона, после возвращения матери.

Так же неудачно была продана потом гармонь. Это уже в середине войны было. Я к тому времени гармонь эту, что осталась от отца, осваивать начал. Сначала просто пиликал, а потом выучился. На вечеринки приглашать стали, поиграть на танцах. Хорошая была гармонь, не только мне она нравилась. Заприметил ее один мужик, стал ходить к нам домой, уговаривать продать ее. Мать все не соглашалась, а когда тот пообещал привезти мешок муки – решилась. Поверила, отдала, знакомый же все-таки. А он, гармонь забрав, дорогу к нам забыл с тех пор. Пришлось побегать за ним, чтобы привез обещанное. А когда привез – как радовались попервоначально. Пока не собрались печь хлеб. Испекли, а его есть нельзя было, хрустел на зубах настоящий песок. Может с земли сметали муку эту, может, специально разбавили песком для веса.

Много пришлось пережить. Всего-то ведь не расскажешь. Да... Как говорится: «Вот так они и жили. Дом продали – ворота купили. Стали запираются – волков перестали бояться».

Присказку эту отец, твой дед, часто повторял. Тоже много чего пришлось вынести ему, да только все свое унес с собой. А хочется, чтобы знали вы о судьбе нашей нелегкой. Всю жизнь мечтали мы о хороших временах. В конце осталась только надежда, что дети, да внуки увидят их, эти времена. А иначе, зачем жить тогда?

2. Александра, Александра...

Прежде, чем начать второй рассказ, вернусь к сегодняшним событиям. Дело в том, что вскоре после похорон отца в родительский дом пришла неизвестная женщина. Выразила соболезнование. Затем без остановки, с той же печальной интонацией пояснила. Она старшая сестра того водителя, который сбил наших родителей. Вообще-то у них семья большая, очень порядочная, работающая. Младший брат – единственный мужчина, только пока не работает, ему 18 осенью исполнилось. Отца у него нет. Машину вот ему купили. А почему ночью куда-то поехал – непонятно. Но он не виноват. Они сами по дороге зачем-то шли. Он просто не заметил их. Покойника не вернешь, а вот стоит ли ломать жизнь младшего брата? Семья готова оплатить расходы на похороны и т. д. и т.д...

Сестры, понятное дело горой встанут за брата своего. У отца тоже сестры были. Вот именно что были. Продолжу его воспоминания о старшей сестре...

...Старшая сестра моя, Шура, очень красивая была, на гитаре играла – заслушаешься. Все любили ее. Только получается, что красота-то не привела ее к добру. Когда война началась, ей семнадцать было. Отец-железнодорожник (тогда еще живой) определил Александру в телеграфистки. Выучилась, стала работать на станции. Что ж, комсомолка, активистка, приметная. Наверное, пригляделась кому-то, вот и перевели её командиры подальше от дома. А, может приказ военный какой был, хотя в армии она не служила. С это-

го момента и посыпались беды на нее. Отец к тому времени заболел и умер. Некому было теперь за Шурку заступиться. Я считаю, что будь он жив – не позволил бы так помыкать ею. Уж не знаю, как на самом деле было, но, думаю, вот что вышло.

Был у нее парень, проводила его в армию. А, может, просто сказала при проводах, что ждать будет. Ведь когда парень воюет, хочется ему, чтобы ждал кто-нибудь с фронта. Однако раз уж сказала – надо ждать. А тут начальство обратило внимание, намеки всякие, приставания. Не поддалась. Короче, решили сломить, перевели в столовую работать, а там еще хуже, теперь вообще вся на виду. Но крепкая девка оказалась, неподдающаяся. Дальше – больше. Услали в глушь, работать в свинарнике. Что за нужда была в этом? И вот что не понятно. Время, конечно, военное, но не военнообязанная же она была. Почему же можно было командовать, отправлять то туда, то сюда, то вообще к черту на кулички?

В конце концов, когда война уже шла к завершению – отправили ее на Дальний Восток на лесозаготовки, станция Ерофей Павлович. Помню, было письмо оттуда. Неужто своих людей там не хватало, что надо было слать людей из Кирова в такую даль? Ведь не преступница она была, наоборот, активистка, преданная и комсомолу, и партии, а также обещанию, данному при проводах. Все знают, что на лесоповале жизнь тяжела, особенно для женщин. Довели, долго не проработала так. Не выдержала она, положила голову

свою на рельсы, под колеса паровоза. Наверное, сначильни-
чал кто в конце концов – вот и решилась. Раньше-то весе-
лая была. А в последний вечер гитару сняла, да все пела со-
седкам по комнате в бараке грустные песни. Потом повеси-
ла гитару на стенку, бантик на инструменте поправила, вы-
шла. А больше ее не видели ни веселой, ни грустной. Там же
на станции и похоронили. Это все подруги потом рассказа-
ли, когда приехали.

Дело в том, что почти сразу после этого случая решили
всех женщин отпустить домой. Может, начальство испуга-
лось последствий, а, может, близок конец войны был. Толь-
ко возвратились все ее землячки, а Шура наша там оста-
лась, как бы отдав себя в жертву, чтобы остальные вернулись.
Очень мы жалели ее, всю жизнь свою. Осталась фотография
её, да память о ней. Пока живой – и она как бы живая стоит
у меня перед глазами. Потому, наверное, и говорят, что че-
ловек умирает телесно, а душа его остается жить. Это память
о нем жива, пока живы те, кто помнит об умерших.

3. Девочка Лида

Опять возвращаю читателя к последующим за трагеди-
ей событиям. Всё это время я размышлял, почему сестра
пришла просить за брата? Ведь тот скрылся с места пре-
ступления. Может, никто бы и не узнал? Совесть заела? От-
вет дал пришедший вскорости следователь. Начал с ново-

стей: «Остались на обочине дороги обломки переднего бампера, стёкла. Стало понятно, что за машина. Чёрная Lada Priora. Сначала перебрали такие автомобили в городе. Все целы. Начали перебирать окрестные села. Как только приехали с осмотром в NN – в городской отдел полиции прибыл виновник с повинной явкой. Сёстры у него – известные люди. Они у вас были? Деньги предлагали?»»

Так вот оно что! Сёстры – известные люди. Всё дело в сёстрах? Продолжу рассказ отца о его сёстрах...

...Теперь о другой сестре, Лиде. Когда война началась, ей 15 стукнуло. И раньше было нелегко – а теперь и вовсе тяжело стало. Взяли её в ФЗО (школа фабрично-заводского обучения). Всё-таки и паек, и одежду давали. Закончила – стала на заводе работать. Хорошо. Вот только завод на другом краю города, даже за городом. О транспорте в то время и не мечтали. Осенью по грязи, да зимой по пустырям под снежные вьюги ходить пришлось. И все бы ничего, да решили их, молодое пополнение из девчат, послать на лесозаготовки. Посчитали, что там они нужнее. Это у Николая Островского описан хорошо героизм работы на прокладке одноколейки и лесоповале. А в жизни иначе получается. Как представила, что отправляться надо в мороз, да в своей легкой одежонке, да в разбитых ботинках – страшно стало. «Нет, не вернуться мне оттуда уже». Короче, сбежала, не поехала, да и не только она, несколько девчонок реши-

ли не ехать. Думала дома отсидеться, сколько сможет, а там видно будет. Сначала у подруг пряталась. Приходил милиционер домой – спрашивал. Сказала мать, что уехала она, а куда – не знает. Несколько раз походил, да и отстал. Стали Лидка тогда дома сидеть, не высывалась. Брала работу на дом, шить-вышивать, хоть чем-то на пропитание зарабатывать. Уже и забывать мы все стали про осторожность. А зря. И вот почему.

Жила у нас квартирантка. Давно уже жила, сдавали ей угловую комнату. Хоть сколько-то денег подкидывала. Работала она уж не помню где, да только кормилась не этим. Ходила о ней дурная слава, что мастерица по воровской части она была, на базарах промышляла. А тут попалась как-то. Неделью не было ее, потом пришла вечером, вся побитая. Сказала, что сидела, да выпустили её, мол, не виновата. Весна к тому времени уже была. Вот только на следующий день помню, сидит Лидка у окна, где светлее, что-то вышивает. А тут подходит человек к окну, сразу спрашивает, такая-то мол? «Да», – отвечает. «Ну, тогда пошли со мной. А зачем – там узнаешь». Не сразу, потом уж я догадался, в чем дело. Чтобы выйти на волю, решила наша квартирантка сдать «дезертира», выслужить себе прощение. И выслужила. За счёт других.

Судили Лиду строго. За побег, уклонение от работы, по законам военного времени. Не смотрели тогда, что девочка ещё. И услали на знаменитую Воркуту. Как говорит-

ся, «поезд тю-тю, ушёл на Воркутю». Как она там выжила – не говорила. Но сломала её судьба, перемолола всё по-своему. Вернулась в Киров уже после войны, гуляющая, да и выпить любительница. Вернулась не одна, с мужиком, воркутинцем заматерелым. Прожили они вместе не долго, осталась потом с детьми, да со старыми привычками. Не сложилась дальнейшая жизнь, Да и конец тоже плохой: не вернулась однажды зимой, замёрзла пьяная где-то. Хорошо, дети успели вырасти к тому времени. Спрашивается, за что и кому жизнь людям в самом расцвете калечить надо было? Не только ей одной. Считай, наверное, полстраны протасщено было через тюрьмы и лагеря в те сталинские времена. Неужто почти вся страна была в чем-то виновата?

Вот так война по девчонкам прошла. Это уж кому что выпало. Может, кто вспоминает о военной поре, как о счастливом времени – пусть расскажет, почему. А только в нашей семье война лишь несчастье принесла, всем без исключения.

4. Ах, зачем я на свет появился?

Я пытался понять, почему всё так произошло? Кто он в жизни этот парень, что был за рулём? Мой старший сын настоял на поездке в NN. И вот мы в ихнем дворе. Немного-словная семья. Да и сам виновник (а хочется сказать – преступник) как-то затерялся на фоне разбитой машины, укрытой от людских глаз тентом. Мы попросили снять его. Глянули и остолбенели. Это с какой же скоростью надо было мчаться, чтобы весь передок и ветровое стекло – вдребезги! До сих пор эта машина перед глазами яркой картиной. А вот образ водителя стёрся, как будто не было его совсем. Каким он был ребёнком? Наверняка его ограждали от всего дурного, заботились, чтобы вырос хорошим мальчиком?

А об отце моём некому было заботиться. Как так? Да вот что отец о себе говорил...

...Был я роста маленького, худой как скелет, но бедовый: страсть какой. Чуть что – кидался в драку, не смотрел, кто передо мной. Закончил четвертый класс. Летом война началась. Осенью пошел в пятый. Отец умер, мать не работала. С голода совсем видно озлобился на тех, кто ест хорошо, да одевается прилично. Ведь сам-то все бегаешь, ищешь, где бы дров да угля добыть, а дома думаешь, что бы такого поесть. Когда был отец-кормилец живой, были деньги, худо-бедно, но жили. А тут... Ну, уголь-то ясно, где взять. Ходили, с ведром, с мешком вдоль путей железнодорожных, собирали куски, где найдём. Да и на станции, где плохо лежал, тоже приходилось воровать. Когда удачно, а когда и с последствиями всякими. Помню, пошли с сестрой к составу в тупике. Я залез в вагон с углём, кидаю сверху, сестра собирает. Заметил сторож, бежит к нам. Сестра от него, я наверху спрятался. А тут состав трогается. Не решился на ходу прыгать, попадаться в руки сторожу. Так и уехал до следующей станции. Пешком обратно еле дотёпал. Короче говоря – не до учебы стало. Особенно не дался мне сразу же немецкий язык. И когда в очередной раз учительница выгнала с уроков с угрозами, чтобы без родителей больше не являлся – решил совсем не ходить. Утром иду из дома, шляюсь по всему городу, после обеда прихожу. Как говорится, кончил четыре класса, а пятый – коридор. Мать сперва ругалась, а потом привыкла. Помню, всё, бывало, ворчит: «Что дома сидишь, увалень,

сходил бы дров наколол». Это, если есть они, а если нет – искать надо. А увалень – сам шкет, мешок больше его.

Но жизнь моя свободная быстро кончилась. Недалеко от нас жил сосед-сапожник. Вот мать и попросила: «Пристрой ты его, бестолочь эту, (т.е. меня) к делу». Посмотрел он на меня, больно уж мал, да согласился помочь: «Приходи завтра ко мне на работу». С утра чуть ли не раньше его прибежал. Там работники посмотрели, посмеялись, но оставили в конце концов: «Поработай просто так неделю-другую, а там посмотрим, что делать с тобой». Так и началась моя рабочая биография. Показали, как дратву сучить, как шилом орудовать. Срок прошел, видят – старается голодранец этакий, да и получается у него как надо. Решили оставить, послали меня к заведующей. Та и разговаривать сначала не захотела: «Тебе сколько лет?». Хотел прибавить себе годик, да почуял, что не поверит, правду сказал: «Тринадцать скоро будет». Всё равно не поверила: «Мал больно». Вернулся в мастерскую зарёванный. Хорошо, сосед на себя это дело взял: «Работай, – говорит, – а как тринадцать стукнет (через 2 недели) – сам пойду с ней поговорю». И точно. Скоро оформили меня на работу, дали карточку продовольственную, совсем человеком стал, кормильцем, как отец ранее.

С той поры и жизнь пошла другая совсем. Со сверстниками своими встречался на выходных, когда на лыжах ходили кататься в лес или на катке. Как без этого? Правда, заботы у нас разные стали. Их ругают за «двойки» да прогулы.

А у меня одна забота, как норму выполнить, не опозориться перед остальными. Утром встанешь, воды горячей попил, вместо заварки – иногда трава какая-нибудь. Хорошо, если хлеб остался с вечера, а то и без него. Скорее на работу, там норма ждёт. Пока шла война, в основном приходилось с солдатской обувкой возиться. Зимой валенки разношенные, да стёртые подшивать. Пока поставишь подошву толстенную, руки в кровь шилом да дратвой собьёшь. В остальное время – сапоги кирзовые чинить. Тут тоже подошва как камень, не возьмёшь ничем её. Однако норму выполнял всегда. В полдень – обед. Все, бывало, торбочки достают свои: «Обедать будешь?». «Не-а, домой схожу, там поем». Какой – поем, дома шаром по полкам покати, пусто. По комнате похожу-похожу, время выжду, будто пообедал, иду опять, теперь уже до вечера, на пустой желудок возиться с грудой покорёженной обуви. А вечером не игры ждут, берёшь карточки, да рыщешь по городу, где бы их отovarить.

Продовольственные карточки в то время давали на несколько недель вперёд, но выдавали по ним не всё сразу, а за определенное число. Тоже правильно. А то всё сразу возьмут, сразу же съедят, а чем потом будут жить? Вот и бегаешь. «Здесь за какое число дают? А-а». Бегу дальше. У матери-то несколько раз карточки в очереди воровали. Придет, совсем убитая. Теперь, значит, вовсе без еды сидеть неделю-две. Весной, да летом чуть полегче. Траве любой в супе, лебеде всякой, лишь бы не отравя, рады были. После

нескольких таких случаев сказал, что сам буду ходить отовариваться, надёжнее. У меня ни разу не воровали. А что? Такие же, как я, и тырили. Они меня знают, я их. Зимой, бывало, залезешь в валенки, они высотой почти с меня и – вперёд. Не бегать в них приходилось, а кататься, скользить как на лыжах: такие большие, да неподъемные были. Весь город обежишь, зато какая радость, когда вернёшься домой с хлебом.

Хлеб – это было всё. Больше, чем жизнь. До сих пор люблю, чтобы дома хлеба много было, и ем его помногу, хотя и говорят, что надо чуть-чуть его есть. Кто ту пору не пережил, не испытал, конечно, не понимают этого. Не к конфетам-сладостям страсть, а к хлебу. Вкуснее него не было ничего тогда. Судите сами.

Что в суп добавляли? Хорошо, если крупа-макароны, праздник тогда. Картошка любая шла в ход, выбирать не приходилось. Чаше всего мерзлую, да гнилую собирали где-нибудь, а то и очистки картофельные матери приходилось выпрашивать. Главное – хорошо помыть. Только много позже, когда мать умерла, стал понимать её. Даже и такую еду тогда она старалась есть меньше, больше мне отдавать. То хлеб свой запрятанный достанет, положит передо мной, то, смотрю, ест такое, что сам никогда не стал бы. Похлебку уже прокисшую или гнилое вовсе что-нибудь. Я люблю, мол, такое, скажет только. А я принимал игру эту. С утра на работу идти мне надо, силёнки нужны. Как сейчас я жалею её!

Поздно спохватываемся. Теперь-то часто плачу по ней, прощенья прошу: «Мама, мама, виноват я перед тобой». Ведь даже похоронить не смог, слишком далеко уехал жить, оставил её к тому времени.

Но не всё было хорошо в моей трудовой биографии. Где-то в середине войны, перевели меня в другую мастерскую. В ней собрали подростков в отдельную артель. А там кто как работает. Кто хорошо, кто плохо. Еле обеда дождутся, не беспокоятся, сделали норму или нет, и кто куда. Кто играть, кто купаться, кто домой просто. Один сидеть не будешь, и я с ними. Какая уж тут работа при таком отношении. Недолго так продолжалось, нагрянуло как-то начальство, видит – порядка нет совсем. Крепко нас тогда наказали. Судили, да не слишком строго, оставили здесь, работать надо было кому-то. Зато аукнулось потом, попозже...

5. Вот такой сапожных дел мастер

Когда отца похоронили, а мама ещё лежала в больнице, я остался жить в родительском доме. Позвонил следователь, попросил зайти к ним. Что ж не зайти? Может что нового стало известно. Очень интересной оказалась беседа. Раньше об этом только кино смотрел. И вот теперь как бы участвую в съёмках. Хозяин кабинета говорил спокойно, размеренно. Чувствовалось, что все фразы продуманы.

«Я не хочу выгораживать водителя. Но давайте посмот-

рим, что получается. Ночью, в темноте ваши родители шли по дороге. По самой дороге или сбоку от неё – следствие будет выяснять. Как раз в том месте, на повороте, фонари не горели. Вдобавок шла встречная машина, наверняка водителя ослепила. Мог ли водитель предотвратить наезд? Я не эксперт. Будет создана экспертная группа, она даст ответ. Вполне может быть, что наказание будет, но небольшим. Какая вам выгода от этого? Для вас важнее, если виновник предложит деньги. На лечение матери, на расходы. Повторяю, многое зависит не от меня, а от экспертов. А я чисто по-человечески хочу посоветовать согласиться с поступившим предложением». Стоп. Но разве я говорил о таком предложении следователю? А ведь оно действительно было. От приходившей сестры того водителя. Я почувствовал, как тяжелая машина расследования набирает ход. Только кто здесь за рулём?

Ах, отец! Почему ты не хотел слушать разговоров о переезде к нам? И в свои-то годы продолжал работать на огороде, чтобы самому себе обеспечивать жизнь. И себе, и детям старался хоть чем-то помочь. Семьдесят лет беспрестанной работы. В этом и был смысл его жизни. Вот что о работе он вспоминал...

...Это уже зимой после того случая было. Мать в ту пору уехала месяца на два на заработки. Я один дома хозяйничал. На работу, в мастерскую к нам, пришла разнарядка, сколько

человек послать до весны на лесозаготовки. Кто открылся, кому нельзя, кто больной, кто хромой, а за меня кто заступится? Выпало ехать мне. Утром собрался, стою на морозе у правления. Шубейка рваная, валенки мои знаменитые, протертые, варежки – заплата на заплате, просто кусок тряпочек. Трясусь, уже почернел весь. Ждём, когда все соберутся. И тут, вот оно счастье-то. Помнишь, в рекламе по телевизору спрашивают, что такое счастье? Так вот, как раз это – оно, счастье. Идет мимо знакомая. Артистка. Она и вправду артисткой была в нашем городском театре, культурная женщина, я ей часто обувь чинил. Меня увидела: «Витя, ты что делаешь тут?». Объяснил. «Да что это такое творится»? Пошла разбираться в правление. «Не стыдно мальчонку, сироту, на погибель посылать? В одеже такой сами попробуйте на морозе поработать. Мало ему лиха своего, того, что уже хватил?» Говорить она умела, оставили меня в покое. До сих пор благодарен ей остался, и помню, как зовут её. А вскоре и мать приехала, небольшой мешочек с продуктами, сколько смогла, привезла. Так вот и опять до весны прожили.

А ближе к концу войны стал я самостоятельно работать. Определили меня в сапожную будку на базаре. Но это не такая, как сейчас, будка, а будка в настоящем смысле слова. Невысокая, да размеры метр на метр, а то и того меньше. Приходил, вытаскивал стол на улицу перед дверью, сам залазил внутрь. Вечером вылазил, своё хозяйство – опять внутрь, и запирал на замок. Считался уже мастером. Стал зарабаты-

вать столько, что мог купить что-нибудь на базаре поесть, кружку молока, например, на обед.

По поводу еды опять же. Обратил внимание, не сразу правда, что с утра появляется мальчонка, маленький совсем, говорить толком не умеет ещё, а вечером опять куда-то исчезает. Откуда брался – непонятно. Сидит весь день возле будки, мне-то не видать, я внутри. Только раз вышел на обед, он – сидит, другой, он опять тут же. Смирный такой, сидит, молчит, от будки – ни на шаг. Совестно как-то сидеть рядом с ним, перекусывать, когда он в рот смотрит. Что-нибудь и ему сунешь поесть-попить. Видать мать на работу утром уходит, его девать некуда, вот и пристроилась подкидывать на день ко мне. Только раз, помню устроил рёв. Что такое? Выскочил, гляжу – собака его укусила. Сам виноват. Грыз он сухарик, она подошла к нему. Протянул ей руку с сухарем, вот она его и кусанула. Собаку прогнал, а он успокоиться не может, испугался сильно. Я уж его и так, и эдак. Бесполезно. Взял тогда на колени его, стал качать, как отец бывало меня. Тут вспомнилась и песня его:

Чоги-чоги, чоги-чоги.
По дороге едут дроги.
По дороге едут дроги —
Могут ноги отдавить.
А на дрогах сидит дед,
Тыща восемьдесят лет,
И везет на ручках

Ма-а-аленького внучка.
Ну, а внучку-то идет
Только сто десятый год,
И у подбородка —
Ма-а-аленька бородка.
Если эту бороду
Растянуть по городу...

Ну и так далее, песня бесконечная, пока допоешь, любой уснёт. Так и Костик (вот его как звали, оказывается), успокоился, пригнулся на коленях моих. Залез я опять в конуру свою, взялся за работу. С ранних лет усвоил, что, действительно: время — деньги, привык беречь его. Так же хорошо усвоил с детства, что надо надеяться только на себя. Самому на хлеб зарабатывать, а не ждать, что кто-то обязан тебе его принести.

6. Вот и я в Германии

После разговора со следователем я думал-думал и решился. Правильно ли поступил? Не знаю. Но все советовали согласиться с предложением виновника. Сумма предлагалась немалая. Родственники его умоляли не губить юную душу, т.е. парня того восемнадцатилетнего. Я пошёл навстречу. Для меня было важнее вылечить маму и увезти её живую к себе, подальше от родительского дома. От города моей юности и родительской беды.

Несколько месяцев спустя оттуда пришло письмо. Следователь сообщал о результатах расследования. Экспертная группа делала вывод, о котором говорил следователь. И пострадавшие шли чуть ли не посреди дороги. И машина указывалась совсем другая, серые «Жигули» с небольшими повреждениями после наезда. После которого разбилась лишь фара. И скорость была разрешённая. И водитель не мог предотвратить наезд. И свидетели, непонятно откуда взявшиеся, говорили об этом. Пострадавшие сами мол виноваты. Круто, однако, дело повернули. На все 180 градусов. Бог судья этому убийце. А ведь он таковым и является, что бы там ни говорили свидетели и эксперты. Будет ли он помнить об этом всю оставшуюся жизнь?

Сам отец, человек крутого нрава, вспоминал, что были случаи. Такие, что мог бы стать «убийцей», но ангел, видать, заботился о нем. Судите сами. Продолжу рассказ.

...Подошло время, война закончилась. Но не сразу это стало заметно. Постепенно-постепенно жизнь у людей налаживалась. Но только, если кто потерял родных, счастливым уже не мог стать, чтобы он там не говорил. Все равно, рано или поздно следы войны в чем-нибудь проявлялись.

А я так до армии сапожником и работал. Многие тогда меня знали в Кирове. Когда забрали в армию – попал в танковые войска. Наверное, из-за маленького роста. А что? Такие-то в танке более юркие, пока громила в тесноте развернется. Помню, в военкомате на комиссии врач осмотрел, прослушал сердце, крикнул: «Ого-о!» Я испугался аж. «Что, плохо?» «Нет, – говорит. – Наоборот. Я таких крепких сердец давно не видел, такого сердца на сто лет хватит».

Началась служба в Сибири, под Омском. Стал родным для меня знаменитый Т-34. Учеба здесь давалась мне легко, не то, что в школе. На кроссах был всегда среди первых, часто выигрывал. Не зря, значит, бегал каждый вечер с продовольственными карточками. Стрелял тоже хорошо. Взял меня к себе стрелком сам командир. Он – фронтовик, уважали все его. Да и я старался не подкачать на стрельбищах. Ведь, когда смотрят, начинали проверку с командирского танка.

Но служба, конечно, была тяжёлой. Помню, зима. У нас

учения в глуши, морозы сибирские. Гоняют – присесть некогда. К вечеру так умотаешься, валишься спать без задних ног. А я как-то до ночи с орудием провозился, пришел в землянку, а там уже места свободного нет, возле входа только. Делать нечего. Взял топорик, вышел, нарубил веток еловых несколько охапок. Настелил себе, ватником накрылся и отрубился. Под утро просыпаюсь от боли в боку. Что такое? Осмотрелся. Я лежу на голом полу у двери, на моем месте – сержант. Видать, ещё позже пришел. Меня как полено столкнул и ему хорошо. Захотелось сгоряча ему сапогом ему двинуть по роже. Замахнулся. Раздавить гадину! Одумался. Что сделаешь? Кто старше (он по второму году служил уже), тот и прав, так получалось. А я долго ещё мучался с болью. Почки с той поры болеть стали.

Вскоре отправили нас служить в Германию. Погрузили эшелон. Танки на платформы, нас – в теплушки. Печка в середине вагона. Как станция – надо раздобыть дров, да угля, иначе замерзнешь. Ну, это-то я проходил ещё в детстве. Проехали всю страну. Вот и граница. Перегрузились на другой состав. Едем по Польше – всё в диковинку. Мы, солдаты, и вдруг в пассажирских вагонах. Окна открываем. Совсем тепло по нашим меркам. Крестьяне во дворах и на полях уже возятся. Каждый свою землю обихаживает. Едем дальше.

Германия поразила своим порядком, спокойствием. И это страна, которую мы победили. Да у нас и до войны не было так хорошо, как у них после войны. Сейчас, когда вспоминаю

то время – служба пролетела быстро. Дни мелькали, как ветки за окном поезда. Конечно, не всё было гладко. Характер у меня по-прежнему оставался ершистым. Как-то танк ремонтируем, затянулось дело. А был у нас в экипаже парень, без конца задевал меня, когда надо и не надо. Вот и тут довёл своими подначками. Так довёл, что не выдержал, вскочил, схватил кувалду (гусеницу у танка меняли), запустил в него. До сих пор удивляюсь, как он успел вовремя пригнуться. Иначе голову бы снесло, метко летела. Рукояткой макушку задело. Уберег его Бог, не дал мне стать «убийцем». Приходилось ли настоящее оружие пускать в ход, помимо учений? Было дело. Патрулировали с пистолетами, автоматами, полный боекомплект. А немцы, хоть и вежливые были, но радости никогда не выказывали. А тут случилась небольшая потасовка, пришлось стрелять. Но благополучно тогда закончилось. Без убийств.

Так уж выпало нашему поколению, что мы отслужили четыре, а не три года. Зато познакомился, как говорится, и с другой жизнью. Узнал, что такое сытная, пускай солдатская, еда, по распорядку, а не тогда, когда что-то найдёшь. Увидел подушки с белыми постелями и теплыми одеялами. Узнал, что такое белый воротник, красивая форма. Привычным стало, что всюду чистота. Там же, в Германии, купил замечательный немецкий баян, опять стал играть, а музыка в армии – большое дело. Так с баяном и демобилизовался. Всю жизнь он был со мной верным другом и памятью о служ-

бе, о товарищах. Пока не попал в руки внуку. Тот быстро разобрал его на кнопочки и щепочки. Собрать обратно я не смог. Пальцы не те уже стали. Купил я потом другой, отечественный.

Много времени прошло, воды утекло. Что-то забывается, а возьмёшь альбом, начнёшь перелистывать: не альбом, а жизнь свою листаешь. Только в альбоме на любой год можно вернуться, а в жизни – нет. Уж что прожил, правильно или неправильно – всё. Назад не вернёшь. Поэтому и жить надо стараться сразу набело...

Да-а, подвожу я итоги. Назад не вернёшь. Остались слова его в моей памяти. Правильно ли отец жизнь прожил или нет? Одно ясно: трудную. Дети войны. Страшное сочетание слов.

Курганинск, 2014

Митрич другой

1

Проснулся Митрич рано. В раздумье почесал лысину и затылок. Выщипнул с виска седеющую прядку, проверив: стоит подстригаться? Что-то не давало покоя. Неприятность ждёт? Или тот вчерашний спор с напарником? Не забыть никак.

– Да ты пойми, дурья голова! – натужно кричал Пострел, глядя с высоты своего роста на тщедушного мастера и предлагая выгодный заказ. – Сколько он денег может отвалить!

– Что мне его деньги? – упорствовал Митрич. – А сколько он может нас промурыжить? То это сделай, то это переделай, то материал не тот. У этих олигархов, молодых да ранних – причуды. Не угонишься!

– И что теперь? Подумаешь – причуды! Боишься не справиться?

– Вот и подумай. Мы с тобой сколько вместе работаем? Ты из памперсов не вылезал, а я уже имя себе сделал. Первоклассного штукатура. Этим и хочу заниматься. Есть же привычный заказ. Ремонт как ремонт. Стены там, потолок. Много не дадут, но зато быстро сделаем. А там – посмотрим.

Конечно, хитрил Митрич. Главную причину не раскры-

вал. Не по душе, что «какие-то молокососы, сопляки, дорвавшиеся до лёгких больших денег», из-за своих непомерных капризов будут ему постоянно тыкать носом.

Вспомнил и сплюнул:

– Ну, как же, спецы, твою голову! Вот вам!

И сразу решился. Не предложение Пострела, а попроще. Он позвонил заказчику. Договорились быстро. Уже в обед мастер был на квартире. Хозяин отдал ключ, свалил на дачу. В ожидании помощника Митрич начал осматривать стены.

– До чего довели! Хозя-я-ева! Да-а, все в трещинах. Что тянуть?

Переоделся, стал зачищать. Местами штукатурка отваливалась кусками, дотронулся только. В углу и вовсе кусок грохнулся, обнажив щель. Насквозь? Нехорошие предчувствия опять заставили сердце ныть. Руку просунул, нащупал что-то гладкое. Но вместе с этим предметом рука не проходит. Ломать, так ломать! Он принялся расширять. Вытащил. Оказалось: бутылёк. Погромыхивает внутри.

– Уже и клад нашёл? Пополам! – это напарник ввалился. Ввалился – не запылится.

С трудом раскупорил. Внутри оказались то ли витамины, то ли таблетки. Разноцветные, лёгкие. Ни инструкции внутри, ни надписей снаружи.

– Ну, что? Пополам? – разочарованно протянул Митрич.

– На фига они мне? Ты нашел – ты и глотай теперь. Пилюли. Тебе полезно.

Не удержавшись, кладоискатель кинул одну в рот. Для пробы. Хотел выплюнуть, да не успел. Проскочила внутрь. Пострел с интересом наблюдал. Что будет?

– Хочешь попробовать?

– А ты какого цвета заглотил?

– Не заметил.

– Так, может, потому они разные, что по-разному действуют?

– Вот сейчас и узнаем. Бери!

– Иди к чёрту! Ещё жить хочу. Это тебе можно. Детей вырастил. А я и не завёл своих. Не с кем. Дрянь всякую глотать тут с тобой!

– А то ты не глотаешь, – хмыкнул Митрич, намекая на загулы напарника, которые тот устраивал время от времени.

Оба подождали. Не случится ли чего с испытателем?

– Ладно. Давай, пора уже.

За работой всё забылось. Дело пошло. Дружно. Пострел аж взмолился: «Не гони. Что-то притомился уже».

2

На следующее утро Митрич чуть не проспал на работу. Оно и понятно. Почти до утра «общался» с женой, чего давно уже не было. По крайней мере, так сильно, подолгу и многократно. Всё никак не мог насытиться.

Уже и жена, баба бойкая, сначала уговаривала по-хороше-

му: «Угомонись». А потом и вовсе крик подняла: «Да сколько можно! Ошалел, что ли?»

– Нет, здорово всё-таки поигрались. Хотя, хм. Повторить хочется. – С этими радужными мыслями он и отправился на работу.

Пострел был на месте. При встрече глаза поднял, приложил руку козырьком.

– Митрич! Ты... На себя... В зеркало смотрел?

В испуге тот прошёл в ванную. Елозя рукой по стенке, включил свет и уставился на отражение. Не похож. Ни морщин, ни помятого вида. Лысина почти затягивается, волосы почернели.

– Ё-моё! – только и протянул. – То-то я смотрю: ночью на бабу потянуло – удержу нет.

– Друг лаптев, ты ли это? Сроду жену свою бабой не называл.

– Назовёшь тут! Поперва ничего, была согласная. Что только не опробовали! А потом – всё. Выдохлась. Заартачилась.

– Ну, даёшь! От пилюли, что ли, тебя понесло? Виагра какая-нибудь? Только от неё не молодеют. А ты вон какой! Огурчик.

– Слушай, Пострел. Попробуй всё-таки. На! Тогда наверняка будем знать: неужто омолаживает и силу даёт?

– А вот выкуси! Я не обезьяна тебе. Для опытов. Силушки в постели у меня своей хватает. А омолаживаться мне ещё

рано. Что? Ты вон начал омолаживаться. А до каких пор процесс твой будет идти? Может, бесконечно. Пацаном стать? Это тебе есть смысл. Только смотри: как останавливаться будешь? Ну, ладно там, сравниешься со мной в годах. А если – дальше? В школу потащишься? Потом я тебя в садик буду водить? Это – соглашусь. А когда в пелёнках на руках таскать – не-е. Детей своих зови. Пусть возятся. А что? Ты же возился с ними. Вот и придёт им пора тот долг отдавать. Жена-то к тому времени помрёт, поди, – разошёлся напарник.

– Глупости не городи! – оборвал напуганный такой перспективой. – До этого не дошло. Пока.

– А дойдёт – поздно будет.

– Ладно, работать давай. Распустил лясы!

Работалось в охотку. Но в перерыве Пострел глянул – при-тих мастер.

– Ты чего? Действует? До сих пор?

– Молодость вспоминал. Быстро пролетела. С Настюхой как познакомился. Долго женихались. Но чтобы это – ни-ни, строго. Только перед самой свадьбой. Неумелые первые разы. Знаешь, обоим всё было внове. Вам-то уже ныне наперёд известно. Поймёшь ли меня? Как нянчили-растили ребяташек. Хотелось бы всё это повторить? Когда помолодею? С другой женой? Другие дети? А вдруг не сложится эта новая жизнь? Или дети вырастут мерзавцами какими-нибудь? Настей-то всю жизнь был доволен. И детьми можно гордиться. Нет! Всё заново не хочется.

– Слышь, Митрич. А ты прими ещё одну, – не удержался Пострел, – может опять переключишь процесс в другую сторону. Как кнопка: нажал – включил, ещё нажал – выключил. Только цвет пилюли запоминай.

– Не надоело? Я вот что думаю. У тебя же девок знакомых полно. Сведи меня с кем. Лишь бы не страшенькая и ладно. Хочется – мочи нет. А если опять подлезу к Настюхе – чую, сковородкой по голове отвадит. Истрадалась, поди, за прошлую ночь.

Пострел посмеялся, но пообещал.

– Ладно, приходи ко мне вечером. Гигант... поневоле. По-знакомлю, а там дальше – сами.

3

Но, нет. Не дождался своего мастера верный друг. Сидел с девахой, уговаривал подождать, не зная, как объяснить задержку кавалера.

Не дождалась и верная Настя, с ужасом готовясь к повторению прошлой ночи. Один раз – ладно. Но не каждый же раз!

А Митрич засиделся в кухне. Как поужинал – так и остался там. Дело в том, что перед тем, как уйти с работы... Бутылёк с таблетками взять домой он не решился, оставляя в расщелине на квартире. В общем, захотел ещё одну пилюлю заглотить. Вдруг она действует только на раз. На сутки.

Разведёт он шуры-муры с новой знакомой, дойдёт до дела – а у него – всё... Ладно с женой. Не в этот, так в другой раз. А с этой молодухой другого может и не быть. Позорище! Надо на всякий случай принять.

Принять-то принял. Но дома, на сытый желудок, совсем другие мысли полезли. Видать, другая пилюля другое действие оказывает. Началось всё с того, что обратил он внимание: жена-то поправляться начала. Может, раньше просто не замечал?

– Что-то ты расширяться стала, – упрекнул он.

– Расширишься тут с тобой, – в сердцах бросила та и исчезла в спальне.

Возникшие новые мысли так захватили, что он просидел до полуночи, не в силах их остановить. Такого не было раньше. Потом пошел к себе, на диванчик. Разыскал ручку, тетрадъ. И строчил, не отрываясь до самого утра.

От этого занятия его и оторвал Пострел.

– Ты живой? Я думал – случилось что. Вечером не пришёл. Пришлось мне отдуваться за тебя. На работу тоже не дождался. На звонки не отвечаешь. Ну, думаю, всё. Кранты Митричу! А он сидит тут!

– погоди ты. Да, отключил телефон, чтоб не мешал никто.

– Чему не мешал?

– Вот чему! Ты в курсе, что наша Вселенная расширяется?

– Чего? – Пострел опасливо покосился на встающего с дивана хозяина.

– А вот послушай, Александр, меня...

Это «Александр» окончательно заставило замереть у косяка. «Сбрэндил. Точно, сбрэндил. Не иначе как пилюлю принял».

– Ведь что представляет наша Вселенная? Учёные говорят, что она бесконечна и вечна. Но ведь было время, когда ничего не было. Представь: нигде! ничего! не было! Даже времени! Оно, время-то, есть там, где материя. А потом из ничего, из какой-то точки, из сгустка энергии произошёл взрыв. Осколки, разлетаясь, стали образовывать галактики. В них появились звёздные системы. В которых появились планеты... Так вот. Я понял: Вселенная не может быть бесконечной! Не может! Ясно? Если она до сих пор расширяется, значит – есть граница. Между тем, где она расширилась и тем, где её ещё нет. Просто мы не можем достичь этой границы. Сколько б мы ни летели, хоть миллионы лет, но ни на грамм не приблизимся к её концу.

– Ну, а тебе-то что с того? Башка не трещит? Расширяется – сужается!

– Да пойми ж ты, дорогой мой товарищ, – тут он подошёл и в волнении сжал плечо юноши, – ты вот об этом задумывался? А-а. А я вот сам дошёл. Почему одни задумываются? О космосе там, о жизни? А другие – нет? Значит, есть у меня к этому способности. Я вот собираюсь статью написать, в журнал послать, – он кивнул на столик с раскрытой тетрадкой.

– Какую статью? Чего несёшь ахинею? Слушай, «физик недоношенный», ты работать собираешься?

– Александр, прошу вас. Пока поработайте без меня. У меня столько мыслей. Надо успеть их записать.

– Поди докажи сумасшедшему, что он сошёл с ума – еле слышно бурчал подталкиваемый к выходу Пострел. Но собрался всё-таки:

– Митрич, а ты уверен, что всё, что ты собрался настроить – люди ещё не знают? Учёных – уйма! Наверняка кто-то про это писал.

– Да разве может одна и та же мысль придти нескольким людям? Ведь мы же все разные. Это невозможно!

– Может! Ещё как! Думаешь, почему на танцах парни всегда дерутся? Один хотел закадрить девчонку. И другому такая же мысль пришла. Повторяю: такая же, – тут он приподнял палец и поднёс к своему носу, – мысль пришла. Вот отсюда и драки! И это, заметь, массово! Узнай сначала, что другие про это пишут, а потом и сам берись.

– Верно-верно. – «Мыслитель» сник. – Сейчас же в интернете всё есть. Так! Ты ступай. Мне надо компьютер купить, с интернетом. Читать, читать и ещё раз читать! А потом писать, писать и ещё раз писать!

Уже с порога, обернувшись, Пострел, передразнивая, повторил последнюю фразу Митрича, нарочно ставя ударения на каждом первом слого. Не успокоился. На лестничной площадке добавил:

– Компьютер-то только в кино видел! Эх, ты! Писатель! – опять с переносом ударения на первом слоге прокричал в закрытую дверь.

Но Митрич от своего не отступил. Пошёл, купил ноутбук, самоучитель, беспроводной модем. Жена была на всё согласна, лишь бы её не задевал.

4

Однако вечером забеспокоилась. Весь день не ест, не пьёт. Позвала ужинать. С трудом дозволась.

– Что-то ты всё пишешь и пишешь, Коленька. Себя не жалеешь. Да и меня тоже. Работу вот бросил. Сел на шею мне. Я зарабатываю, а ты будешь диван просиживать?

– Ах, Настасья, ты Настасья! Отворяй-ка ворота! – в приподнятом настроении сел за стол Митрич, закатывая драные рукава рубашки. Глаза у него сияли от возбуждения.

– Погоди, дай срок! Получим и мы с тобой премию! В Осло поедем получать!

– Да скорее – на осле! Кем возомнил себя?

– И ещё раз повторяю, – не обращая внимания на подковырки, он продолжил:

– Ты – расширяешься! И я – расширяюсь! Всё, что вокруг – расширяется!

Жена с досадой замахала на него руками. А он вскочил с места, начал поучать:

– Вся Вселенная расширяется. И галактики в ней тоже расширяются. И планетные системы вместе с планетами. В том числе и Земля. И мы в ней тоже. Вся материя. Всё это расширяется! И молекулы, из которых она состоит. И атомы вместе с протонами-нейтронами-электронами. И каждое ядро атома. Оно ж – своя Вселенная. Внутри ядра – свои галактики. Вот представь, сколько в тебе атомов? Не счесть! И в каждом атоме свои Вселенные. Возможно, там люди живут. Ищем пришельцев снаружи, а они внутри нас. И все они расширяются! Ты думаешь – я спятил. И если б мы расширялись – то в дверь перестали бы проходить? Вот что ты, наверное, думаешь. Так всё расширяется, Настенька! Всё! И наши двери, окна, дома. И даже метр, которым мы измеряем. Поэтому и не замечаем!

Настя уже давно ушла, от греха подальше, в свою спальню. «Свят, свят, свят!» – перекрестилась она, хотя никогда не была богомолкой раньше. А Митрич не мог успокоиться, рассказывая и доказывая кому-то: «Наша Вселенная тоже внутри какого-нибудь атома!»

Глубокой ночью, просидев до умопомрачения за компьютером, понял: того, что понаписали в интернете – не прочитать. Никогда. За две жизни. Это повергло в отчаянье. «Нет. Надо думать самому. Вот как Платон в древности? Он же никого не спрашивал. Сидел себе в бочке и размышлял. Хотя, нет. Это Диоген был. Впрочем, какая разница!»

Однако после сеанса интернета никакие свои мысли в го-

лову не приходили. Раздосадованный действием компьютера – «То-то я смотрю – пацанва с каждым днём глупеет из-за этих компьютеров!» – Митрич вышел погулять. На улицу. Освежиться. И вдруг... Ноги принесли его к квартире с заветным бутылком. И осознавал тягу к новой дозе, и не смог удержаться. Вытряс пилюлю. Сомнения усилились.

– Да-а. Что же это? Зависимость уже? Ни «алик» какой, ни наркоман, даже не курю. Уберёт меня бог от этих напастей, а вот на эту – подсел. Чую, не надо. А не могу удержаться. Ничего! Вот только закончу труд свой. А там – всё! Бросать это дело надо. – И бросил. Отработанным движением в рот, словно порцию раствора на стенку. С ощущением падения в пропасть

5

Утром пошло всё не так. Сначала появился Пострел. Забузил: «Митрич! Ты собираешься работать? Чего сидишь, выкомариваешься! Я что? За двоих должен ишачить? Смотри, доплачешься!» И опять, пока спускался по лестнице – всё кричал проклятья «диванным физикам-лирикам, которых развелось как мошкар».

Вслед за ним жена пошла в атаку. Оказалось, сегодня суббота. Обычно в этот день она дома наводит порядок, пока муж на работе. А тут – он. Опять сидит на своём диванчике. – Ты решай! Чего выкаблучиваешься? Или работаешь,

деньги приносишь — или ... — она выразительно помахала в сторону двери, не в силах остановиться.

— Ты будешь сиднем сидеть, а я тебя бесплатно кормить? Хорошо устроился! Смотри, допляшешься!

Чуя, что фонтан не остановить, Митрич сунул тетрадку за пазуху, выскочил на улицу. Закипая, походил туда-сюда. Не найдя вовремя аргументов для отпора, неожиданно схватил булыжник и запустил в окно своей квартиры на втором этаже.

— Вот тебе! — Он воровато погрозил кулаком. — Чтоб я ещё вернулся? Лучше в тайгу. Где никто мешать не будет. В узнаете Митрича! Николая Дмитриевича Косолыбина!

В тайгу не удалось. Поскрёб по карманам пальто — одна мелочь. Решительно двинулся прочь от дома. Потом повернул было к другу. Остановился в сомнении: «Нет. Ни за что!»

Мысли же, наводняя голову, просились на бумагу. Зашел в парк. Шаркая сношенными на бок «парадными туфлями», походил, стараясь придавить для чего-то побольше желательных листьев. Раскрыл тетрадку, попробовал писать. Прохладно. Долго не усидеть. Да и птички капают. Зашел в метро. Гул толпы и воющих поездов раздражал. Пристроился в вагон. Кругом глаза: поглядывающие, дремлющие, читающие. Украдкой достал опять тетрадь, ручку. Бабка рядом неодобрительно отодвинулась. Пришлось сделать вид, что просто перекладывает вещи в другой карман.

– Ах, диванчик, мой родненький! Ты, видать, силу даёшь мне. Как похожу вокруг тебя, обдумую... А тут и слова некому сказать, – шептал с растерянностью Митрич, не обращая внимания на какой станции он поднялся наверх, на свежий воздух. На улице первому встречному начать читать лекцию он как-то постеснялся.

– В забегаловку пойти? Там точно выслушают. Хотя... С пьяными рожами общаться? – тут он брезгливо дернул плечами будто стряхивая с себя тараканов.

Стемнело, похолодало. Голодный, начал коченеть. Ходьба не помогала. Злой и неудовлетворённый тем, что не смог выплеснуть мысли на бумагу, Митрич вспомнил: квартира! Пустая, где ремонт. Там же и заветный бутылёк. Скорей туда. Поднялся, провернул ключ, толкнул дверь. Оторопел. Закрыта изнутри.

– Кто там? – крикнул он и позвонил. В ответ услышал: «Кто там?»

– Это я, Митрич!

– Какой Митрич?

– Такой! Ремонт делаю!

– А-а, тот Митрич?

– Нет! Другой! – Озлобление нарастало.

– Так сразу бы и сказали, – дверь немного приоткрылась, – так всё. Сделали. Я и с напарником вашим рассчитался.

– А бутылёк? – выскочило с нетерпением.

– Магарыч, что ли? Не подаю, – дверь захлопнулась.

В ярости потащился к Пострелу.

– Бутылёк где? – буркнул, не глядя на его краснощёкое лицо.

– Дак это. Там и оставил, где был. Замуровал туда же. Чтоб чего не вышло.

В голове зашумело. Как будто на скутерах гоняют внутри по мозгам. Осознавая, что это крах и с каждым шагом свирепея – понёсся домой. Долго звонил и ломился в запертую дверь. Поняв, что ничего не добиться, рванул к соседям на третий этаж. Поднял со скандалом их, уснувших. Прошёл мимо всполошившихся, без объяснений, на балкон. Перелез, повис на руках. Раскачался, уловив момент, прыгнул вниз, внутрь своего балкона. Выставил локтем стекло. Ворвался в свою комнату. «Я вам покажу Митрича! Настоящего!» Собрал все свои тетрадки с сочинениями.

– Гоголь! Николай Васильевич! Всё сжёг! А я что? Хуже? Не-е-ет! И Николай Дмитривич тоже всё может! – с этими словами прямо на газовой плите поджёг труды, которые собрал со своего любимого дивана. Дверь в кухню подпёр столом, не пуская воющую от горя жену.

6

Прошло немало времени. Митрич по-прежнему работает, в паре с Пострелом. Помощником у него. Тот освоил секреты «евроремонта» и загребает немислимые раньше день-

ги. Но к ним Митрич равнодушен. Как и ко всему прочему. Грусть и уныние поселились у него в глазах, в походке, во времяпровождении. И жена, молча просиживая вечера рядом с ним возле орущего что есть мочи экрана, часто вспоминает. Его недолгое увлечение. Яркие и счастливые глаза супруга, когда он «творил науку». Ту бурную ночь, которой никогда раньше не было. И не будет уже. Сейчас-то стало понятно, что и она была счастлива. Тогда, когда он чувствовал себя нужным, счастливым. Теперь всё в прошлом. Ничего не осталось. Впрочем, кое-что осталось. Когда совсем немоготу, ночью, в кровати, она достаёт из-под подушки тетрадь Коленьки. Ту, единственную, последнюю, что завалялась у него в кармане пальто.

«... Эх, людишки. Мелочь она и есть мелочь! Что ж вы не думаете о смерти? О жизни? Каков смысл жизни? Жизни вообще? Человечества в целом? И жизни конкретного человека, например, моей. Взять жизнь индивида. Представим, что в какой-то момент всё существует в одном числе. Живут – всего 1 человек, 1 рак, 1 рыба, 1 тигр, 1 бегемот и т. д. Ясно, что вскорости никого не останется, и смысла существования каждого из них не было. В случае же жизни человечества получается, что каждый живёт для того, чтобы продолжить жизнь общества дальше. С каждым новым поколением жизнь усложняется. Чтобы обществу выжить – каждый вносит свою лепту, как муравей. Каждый! Независимо от того, кто он и как жил. Другое дело, что одних будут мно-

гие вспоминать. Кого дольше, кого меньше. А о других будут помнить только близкие, пока они сами живут. А о ком-то и некому вспоминать. И, кажется, что они жили зря. Смысла их жизни не было? Нет. Нет. Не так.

Что-то я путаюсь. Но можно так рассуждать. Человек умер. Физически, да, он перестаёт существовать. Однако если материя никуда не исчезает, то атомы, из которых он состоял – не исчезли. Они перешли в другое состояние. Например, стали прахом, или мясо черви поели. Но атомы-то! Т.е. те вселенные, что были внутри него – остались. Вселенной, что была в атоме этом, безразлично, что атом образовывал. Лишь бы не взорвался!»

...Прочитав несколько предложений из тетради, Настя умиротворённо засыпает. Много она никогда не могла прочесть.

«Философ! Какой же ты, Коленька, у меня умный... Был...»

Кладезь несчастий

1. Толя

«Этот Толя крепко влип. Понимает он или всё ещё хочет уверить меня, что вот-вот всё поправится?» Семён с безнадёгой взглянул на старого худого азербайджанца. В глазах у того стояло отчаяние и мольба. Начиналось-то как?

Не раз, и не два он встречал этого мастера-плиточника в разных местах: в торговых центрах, в школах, в больнице, когда тот занимался ремонтом или отделкой. Результат работы всегда был налицо, вернее, на лицевой поверхности стен и пола. Поэтому и пригласил его для ремонта квартиры. Надо было положить плитку. Сошлись быстро, цена устраивала.

Во время работы Толя (так он себя назвал) много рассказывал о себе. Поначалу Семён не прислушивался. Относился к нему как к радио на кухне. Говорит, ну и пусть говорит. Понять его было нелегко. Говорил по-русски плохо. Лучше сказать, вообще плохо говорил, с каким-то дефектом, с трудом, неразборчиво. Но, если приноровиться, со временем начинаешь понимать.

Получалось, что сюда, в наш город, он попал служить

в стройбате лет 35 назад. Строил много чего, в частности, ту девятиэтажку, где Семён сейчас жил. Оттрубил, сколько надо. Потом так и остался. Строил то одному начальнику, то другому. Шли годы, а он всё строил, ремонтировал, и не кончалась работа никогда. Подумалось при этом Семёну, что зарабатывал человек, поди, большие деньги. Однако когда увидел, где и как живёт Толя – опешил. Крохотный участок земли, голый двор. Деревянная хибара с гнилым забором. Впрочем, так же жил и другой знакомый азербайджанец-каменщик. Что такое? Сапожник ходит без сапог? Их соотечественники, которые стоят или сидят на рынке – живут в двухэтажных особняках. А те, кто действительно работает не покладая рук – бедствует? Семён стал прислушиваться к Толиным рассказам.

2. Москва-кормилица

...Поехал я один раз в Москву. Деньги хотел заработать. С товарищем. А тот мало что умел. Всё надо объяснить, показать. Хозяин нам ключи оставил, сам на даче. Я работал, товарищ помогал. У него ещё сын маленький. Он с собой взял. Зачем? Не с кем было оставить?

Один раз он уронил себе на ногу. Распухла. Он пошёл в больницу. Полюсов у нас нет. Он взял у меня деньги и пошёл. Я работаю, сын рядом сидит. Товарища нет. Уже долго. Я стал беспокоиться. Мне звонят на телефон.

– Вы такого-то знаете?

– Да.

– Что он в Москве делал?

– Мы работаем здесь.

– Где живёте? Разрешение есть на работу?

Я испугался. Спросил: «Что случилось? Почему спрашиваете?»

– Машина сбила вашего товарища. Насмерть.

Я всё бросил, поехал, куда сказали. Вечером поздно вернулся. Мальчишка лежит весь в крови. Он тут без меня взял электролобзик, что я бросил. Стал играть. Тот включился – и по руке, палец отрезал. Куда пойти – не знал. Тряпками замотал и ждал меня. Повёл его в больницу. Много денег платил, чтобы врач не сообщал в милицию об этом. Сын сказал, что хоронить отца надо дома, в Узбекистане. Все деньги, какие были с собой, всё, что заработал, всё ушло. Привёз его родственникам. Думал, хоть за дорогу заплатят. Куда там... Сказали, что я сам во всём виноват. Вот так я побывал в Москве на заработках.

3. Город-холодильник

...Ещё ездил я в этот... Симбирск? Холодильник такой был. Помнишь? (Семён стал припоминать города: Новосибирск, Омск, Орск). Во, Орск. Сказали, там большие деньги платят.

Я купил билет, приехал. Привели в бригаду. Большой дом, три этажа, комнат много. Человек 10 в одной комнате стены делают. Я посмотрел, не могу понять. Делают раствор понемногу, потом – на стену. Я попробовал, смотрю, а это гипс, алебастр. Он же быстро застывает, минуты 2—3, много не сделаешь раствора. Говорю: «Вы чего?» А они: «Хозяин так сказал. Мы не будем спорить».

Пришел хозяин. Я говорю, что нужен другой гипс, сухая штукатурная смесь, из неё делают раствор. Он мне: «А это куда я дену? Две тонны купил. Как мне сказали «гипс», так я и купил. Я говорю: «Нет, другой надо. Поехали, я покажу какой». Поехали, взяли два мешка «Волма-слой», для пробы. Я при нём приготовил раствор и показал, как надо. Они все стояли, смотрели. То, что бригада за неделю делала, я столько за смену сделал. Таких работников нанял он. Я потом их учил, почти всё сам делал.

Когда кончили – хозяин деньги давал. Кто сколько заработал – столько каждому давал. Большую половину мне, меньшую – всей бригаде. Он ушёл, они напали: «Давай дели деньги поровну на всех. Иначе не уедешь, дома своего не увидишь». Я отдал, себе только на билет оставил.

4. Куда уходят деньги?

Семён продолжал размышлять о том, куда деваются все заработанные Толей деньги. Ну, ладно не получается где-то

там. Здесь же он постоянно работает. Толя прояснил, когда рассказал следующую историю.

...У нас гражданства российского нет. Надо каждый раз выезжать на границу России и Азербайджана. Делать отметку, что я выехал на временный срок, потом возвращаться. Можно по-другому делать. Есть места, и есть люди, они этим занимаются. Им даешь деньги, они сделают всё сами. Плати только. Вот так каждый раз каждый из нас мучается.

Там, на родине, у меня дом большой, двухэтажный. Купил сначала небольшой, потом со временем перестроил, заново сделал. Там тогда мать моя и сестра жили. Всё на мои деньги построено. Материалы у нас дорогие. Много ушло. Сестра сказала: «Давай на меня оформим, ты здесь редко бываешь, а дела с домом постоянно какие-то надо делать. Мы же одна семья». Я согласился. Потом сестра вышла замуж. Её муж стал хозяином. Говорит теперь: «Мой дом». Вот и всё тут.

А ещё раньше сестра говорила: «Мебель надо хорошую купить. Это и твой дом. Давай, помогай». Я зарабатывал и деньги отсылал. Всё дорогое стало нынче. Чтобы купить – много надо платить. Это когда раньше жили, в Советском Союзе, можно было на небольшие деньги жить хорошо. Вот газ, например. У нас его тратили раньше, в Союзе, не задумываясь, без счётчиков. В любом доме, любом дворе. Делали сами трубы, подводили куда хочешь. Летнюю печь во дворе ломали, а газовую плиту ставили. Тратили газ, не выключа-

ли. Вот как жили. Да, не то, что сейчас.

5. Спасти молодых

Как-то зимой Толя позвонил Семёну: «Мне встретиться надо. Дело есть». Потом приехал сам. Начал просить, чего раньше не было с ним.

– Ты знаешь, у меня дочь замуж скоро будет выходить. Приданое надо покупать. Холодильник там, стиральную машину, всё прочее... Всё дорогое сейчас. Прошу, помоги, займи денег. Я заработаю, отдам сразу. Стыдно без приданого. Ты не беспокойся, я отдам, с процентами отдам.

Говорил долго и уговорил. Работал он вроде бы тогда постоянно. Отдаст.

– Ладно, договорились, – сдался Семён.

Прошло время. Пришёл срок отдавать. Он звонит: «Давай встретимся. Ты где? На работе? Я приеду».

Приехал с сыном. И так-то трудно понимать его, а сейчас очень нервный какой-то, совсем не понять. Сын помогал, переводил. Говорит по-русски хорошо, почти без акцента. Россия-то для него почти родная. Похож на отца, тоже худой.

– Сын вот школу закончил. Девять классов. Недавно восемнадцать исполнилось. Мне прислали повестку, там его хотят в армию забрать. Ждут, когда на родину приедет. А у нас же война в Нагорном Карабахе опять начинается. Сам понимаешь, чем грозит. Заберут и воевать отправят.

Наверное, там молодёжи совсем нет. Некому стрелять. Есть возможность деньги дать одному человеку, он всё устроит, чтобы не забирали. У меня сейчас денег нет. Всё отдал для дочери. Помоги ещё раз, прошу тебя.

– Ты ж старое не отдал. Когда вернёшь?

– Я отдам. Всё. С процентами. Через два месяца отдам. Вот увидишь. Спаси сына.

– У тебя родственники есть. Пусть помогут.

– Нету. Никого нет. У них самих денег нет. Я, наоборот, помогаю, здесь в России работаю, отсылаю туда. Там у нас нет работы.

Уговаривал долго. Семён побоялся вот чего. Не даст – Толя обидится и старый долг не отдаст. Ушёл Толя только когда договорились.

6. Месяц, другой...

Прошло два месяца. Толя не звонил. Семён попробовал звонить – не отвечает. Пришёл домой к нему. Хибара закрыта, на калитке замок. Зашёл через неделю. Открыла жена его.

– Где Толя?

– На родину уехал, скоро вернётся.

Снова подождал. Когда встретились, Толю трудно узнать. Ещё больше похудел, беззубый стал.

– Болел. Не работал. Денег совсем нет. Даже зубы лечить не на что. Подожди месяц. Найду работу – отдам.

Прошёл месяц. «Работу нашёл. Большая. Как заплатят – отдам.

Ещё месяц. «Хозяин ещё не заплатил. Он в Москве живёт. Здесь дом строит. Ключ мне отдал, чтоб я работал. Как уехал – ещё не вернулся».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.